
снова внутри от нежности мёд и лёд,
тонкая замирающая игла.
тихо помешивает над головой пилот
небо, и всё напрасно, и все дела.
тихо подвешивает над головой в дыму
снежном воронку, веер, ночной огонь.
нежность, не выносимая никому,
мёрзлой пчелой жалит и жжёт ладонь.
вынеси мне из своего тепла
летнего мёда милость, слизни слезу.
даже под снегом, брат, даже тут, внизу,
сердце сосёт мучительная пчела.
были мы ветрены, стали мы дураки
и вертопрахи, тает наш вертоград.
некому нас мёдом кормить с руки
даже под снегом. даже под снегом, брат.

Целуясь в пустынном сквере
(Ворованное — вкусней!),
Мы чувствуем вкус потери
Всё явственней, всё ясней.
Куда нам податься, беглым
И каторжным, с этих мест,
Где женщина взглядом беглым
Окинет наш цепкий жест,
Где мокнут пустые шляпки
От лаковых желудей,
Где утки скрывают лапки
Несбывшихся лебедей,
И арка серого зданья,
Укрывшая тень греха, —
Уродливое создание
Эпохи ВДНХ,
Где улочка вбок, как выход, —
Обманчива и узка,
И твой полумёртвый выдох
В тепло моего виска.
Обрывок газеты: «...будущ...», —
Платок!.. Кошелёк, ключи...
— Не плачь, ты меня забудешь.
— Забуду. Но замолчи.
Ворона у водостока,
Безрадостный дождь с утра.
Твой голос: «Как жизнь жестока!»
И мой: «Как она мудра!..»
И словно бы для примера —
Качели: то вверх, то вниз...
И маленькая химера,
Вцепившаяся в карниз.

Ты вернулся, Кай, ты вернулся в наши края,
В наш двухцветный, снежный, алый и белый мир.
А пока ты брёл, собирала ледышки я,
А пока ты брёл, уходили твои друзья,
Завернувшись в холод, болезни, гордость, тоску и мор.

Как там вечность, Кай? Незыблема, как скала?
Ты считал до ста, чтоб увидеть меня во сне?
Я замерзла, правда, я долго тебя ждала,
Закрывала ставни, а там — силуэт в окне.

Я топила печь, дурачок, я топила лёд.
У реки, где ты никогда не топил котят,
Я пустила алые туфли по воле вод,
Я реке подарила туфли свои — и вот
Ты вернулся, Кай, а снежинки летят, летят.

Серый ветер осени дует тебе в ребро,
Ты вернулся, Кай, замороженный, как судак.
Ты, забыв дорогу, топчешься у метро,
Ты считаешь мелочь — бедный, иди сюда.

Ты вернулся, Кай, на ресницах твоих вода,
Ты считаешь мелочь, голову опустив.
Ты бродил, а вечность тихо вошла сюда,
И сложились сами кубики изо льда
В мой любимый, алый и белый, простой мотив.

Ребёнок в матроске, на лбу — горделивое «Витязь»,
Зачем вы мне снитесь?

По берегу моря, по кромке, по краю, где крабы,
Я тихо следы оставляю, прошедшее скомкав.
Здесь время и место вполне безразличны, хотя бы
И выдумал кто-то такой календарь или компас.

На этом песке те же чайки, что в самом начале
Ещё не написанной книги, как дети, кричали.
Но вы, лейтенант с улетающим взглядом поэта, —
Зачем вы мне, Отто?

Меня не пугает к ногам подступившая бездна,
Гораздо страшнее провальная синь между тучек.
Я прутиком имя черчу на песке бесполезно —
И черный, как прутик, из пены кивает поручик.

Зачем Тебе, Боже, кормить нас, пустых недоносков,
Не знающих броду, не помнящих выхода к дому?
За нами лишь барышни в шляпках

и дети в матросках —

Как кто-то сказал, не умея сказать по-другому.

Ну, что вы так смотрите, ангелы, божьи сироты?
Иду, наступаю на краешек мокрого шара,
Который по-прежнему вертится, и обороты
Всё той же длины — беззаботного детского шага.

И каждый мой след, год за годом, зима за зимою —
Смывается в море.

на юг, на юг, где ангел сломал весло,
где кто-то на небе пишет, а я читаю слова,
на юг, где станет, как раньше, мне весело,
возьмите меня, я стала совсем слаба.

от этой зимы ледяной возьмите, купите сластей,
какой-нибудь хоть леденец,
я в желаньях вполне скромна,
петушок на палочке, простенько, без затей,
возьмите меня на юг, там всегда весна.

я не стану просить невозможного, поцелуев в меду,
вкус миндальный, медальный профиль,
стальной живот,
я постою в сторонке, попросите — отойду,
заболит — подую, до севера заживёт.

на юг, моя радость, лечить надоевший кашель
атласной кожей, сиропом мятным и манной кашей,
где на небе пишут, что всех нас любят весьма,
где всегда весна.

Не в этот час — рассветный, дождевой,
Не в этой точке сжатого пространства
Ты выйдешь вон, как бабочка из транса,
Раскрыв прозрачный зонт над головой.

Не твой поспешный шаг расколет двор
На тысячи неуловимых капель,
Сложившихся, как бус драконий камень,
В бессмысленный невидимый узор.

Не ты, не ты, не ты из темноты
Бежишь стремглав, зонта не закрывая,
На свет метро, на гул, на звон трамвая,
На остановок мокрые цветы.

И не твоя забытая душа
На том краю, за кромкой дождевою
Наколота, дыша и трепеща,
На острый шпиль, парящий над Невой.

Спляшем, Пегги? Осеннее пламя твоей головы
Приостынет к весне,
ты начнёшь разводить маргаритки.
В опрокинутом городе ангелам хватит травы,
Чтоб легко пробежать, не прямяв, от окна до калитки.

Этот грустный полковник Апрель, наблюдатель планет,
Орнитолог и ангел, читающий умные книги,
Прогулялся б на мост Поцелуев, да времени нет:
От рожденья аскет, или носит под платьем вериги.

Как его целовать, если он — отраженье в реке?
Ах, как грустно-то, господи... вот и твои маргаритки,
И мои незабудки лежат на прибрежном песке,
Как небрежный набросок
к дешёвой пасхальной открытке.

Спляшем, Пегги! Обманчивый город, сводящий с ума,
Машет серым крылом, отсыревшими машет холстами...
Ничего, ничего! Вот закончится эта зима —
Мы вернемся сюда, где плывут кораблями дома,
Целовать отраженья полковников между мостами.

Черубино

Ане и Вадику

1

Черубино, дух трамвайный, воробей в вагонной давке,
О, поймайте, удержите, дайте, дайте!..

Что за слово «перекресток», что за корень мандрагора,
Что за город, мой прекрасный, что за город?..

В нём живут чужие птицы — те же люди, но в полёте,
В нём гнездится дикой жабой ангел кашля и ангины,
Бедный мальчик, не сердитесь, не скучайте, не болейте,
В этом городе все люди андрогинны.

В этом городе несправедном руками не поймать
То, что хочется потрогать и сломать.

Ну, поймайте же его, он так колотится о стёкла,
В это солнце, в эту жезь, в этот жёлоб кровостока,
В эту жалость, в эту нежность,

в этот город воробьиный...

Дух трамвайный, Черубино. Ад кромешный, Черубино.
А поймаешь — просто птаха, ком отчаянья и страха,
Ну кому она нужна?..

Город бредит мокрым мартом,

и бредёт по странным картам,

По трамвайным путям весна.

2

В этих арках гнездится страшная инфлюэнца —
Замотайте плотнее шейки, надвиньте шапки.
В этом городе очень просто откинуть тапки,
Если небо с утра откалывает коленца.

То свистит, то, простите, воеет античным метром,
Это дождь или всё же снег?.. Я не знаю, помесь.
Вот несчастного одного подхватило ветром —
Он на зонтике улетает, как Мэри Поппинс.

3

Друг мой город, я вас люблю пламенно и странно,
Вы мой враг, ваш портрет моей помадой испачкан,
Детский голос, вороний клюв — Анна моя, Анна! —
Этот город такой барак для больных испанкой.

Ах, фиеста, Терра дель Соль, изломанный Лорка!..
На ботинках застыла соль, ледяная корка.
И звенит, дребезжит стекло в телефонной чаше:
Вас не слышно, алло-алло, говорите чаще!..

По растоптанным зеркалам, гранитом хранимы,
Вы спешите, не чуя ног, в метрополитены,
Неудачные образцы, иже херувимы.
Я целую вас навсегда в каменные стены.

4

Ещё и Гофман, о да, и Гофман, конечно, тоже.
Немного жуткий, немного нежный, немного тайный.
В любой тягучей страшилке зимней он выйдет —
крайний,
Как вор трамвайный, как шут трамвайный,
как бес трамвайный.
Он безбилетный ловец иллюзий в балетной ложе.

Я этих сказок немало знаю, вот вам — какую?
Сюжет заезжен, финал банален, но я рискую:
Когда метель хризантемой белой, ружейным дулом,
Когда я плакала, где он бегал, о чём он думал?..

Мой страх царапается и лезет меж позвонками,
И звон трамвайный, и стук оконный,
и лязг машинный...
Но Дроссельмейстер в окне железном
всплеснёт руками,
И на подножке мелькнёт и сгинет сюртук мышиный.

Я этих сказок немало знаю, но эту — спрячу:
Зачин тревожен, сюжет банален, финал заманчив...
Я сочиняю её, смеюсь, и немного плачу –
Чтоб вас утешить,
Тщеславный мальчик.

5

Ты и не знаешь, как ты любима,
А ведь это просто, как дважды два,
Моя маленькая Черубина,
Девочка Зелёные Рукава.

Ах, не умею я пасти народы,
А то бы были вы почти цари,
Мои восхитительные уроды,
Мои отродья и упыри.

Остановитесь вот в этом ракурсе —
Щёлк – и вылетела душа,
Весело насвистывая оду к радости
И птичьими пёрышками шурша.

0

В пятом часу утра, в марте,
Отыскиваешь на карте
Город, провал двора,
Окна,
Потом одно
Окно.

На стекле, наклепленный криво,
Лист альбомный:
«Я никогда не забуду Рио-
де-Жанейро и жар любовный».

В каждой девочке в этом городе
Гнездится мальчик.
В каждом мальчике — ангел.
В ангеле — игла.

И в завершение этой сказки
Я хочу сказать вам, что вы хорошо устроились,
Птенцы гнезда Петрова —
Городские сумасшедшие,
Мусорные воробьи,
Анхель и анхель.

У вас весна.
Поэтому я никогда не забуду Рио-
Де-Жанейро.

Театр

...Ах, разве это жизнь?.. За дудочкой, за лесом,
За стрелками травы, за тридевять утрат...
Держи меня, держи, мелодия, залейся
Своей печалью, брат.

Веди меня, веди, куда бы ни глядели
Глаза твои — не так! — глаза часов, играй
До окончанья слов, до онеменья в теле,
С корзинкой, полной крыс, —
За дверью в рай.

Играй, циничный шут, бесплотная дешёвка,
Всеплощадной пасьянс оборванных афиш.
Мари-Антуаннет в оборочках из шёлка, —
Молчишь?

Ступаем на песок на каблучках и лапках,
На цыпочках — цып-цып, на стрелочках — цок-цок,
В испуганных мехах и царственных заплатках,
Ступаем на песок.

И мы идём туда, за дудочкой, — не буду,
Не пророню, не тронь, не надо, уходи...
Настанет тихий час — нас заберут оттуда,
Как сердце из груди.

А мне, гляди, идёт фарфоровая плаха,
И этот серый плащ, и этот алый рот.
Терпи, не умолкай, соломенная птаха, —
Пускай она поёт.

Пусть будочник храпит, пусть лодочник полощет
Весло, и пусть вода подмочит нам хвосты
И шлейфы... разгляди зато пленную площадь:
Там, в уголке — не ты?..